

ISSN 1026-5627

**Русский
орнитологический
журнал**

**2019
XXVIII**

**ЭКСПРЕСС-ВЫПУСК
1842
EXPRESS-ISSUE**

2019 № 1842

СОДЕРЖАНИЕ

- 5071-5083 Летняя фауна птиц высокогорного пояса Тордоки-Яни (центрально-северный Сихотэ-Алинь) по наблюдениям 1980 года. А. А. НАЗАРЕНКО
- 5083-5087 Материалы к распространению обыкновенного снегиря *Pyrrhula pyrrhula* в Челябинской области. В. А. ГАШЕК
- 5088-5091 О кедровке *Nucifraga caryocatactes* в Архангельской области. В. А. АНДРЕЕВ
- 5091-5094 Просянка *Miliaria calandra* на севере ареала в Чувашии и Республике Марий Эл. А. А. ЛАСТУХИН
- 5094-5098 Новые данные о расселении лебедя-шипуна *Cygnus olor* в Семипалатинском Прииртышье. А. С. ФЕЛЬДМАН, Н. Н. БЕРЕЗОВИКОВ
- 5098-5106 Динамика обилия гнездовых популяций дневных хищных птиц и сов в малолесных районах Южного Приморья на протяжении 16 лет наблюдений (1998-2013). Е. А. ВОЛКОВСКАЯ - КУРДЮКОВА, А. Б. КУРДЮКОВ
- 5107-5109 К вопросу об изменчивости окраски уссурийской совки *Otus sunia*. Е. А. КОБЛИК, А. А. МОСАЛОВ, Я. А. РЕДЬКИН
-

Редактор и издатель А. В. Бардин
Кафедра зоологии позвоночных
Биолого-почвенный факультет
Санкт-Петербургский университет
Россия 199034 Санкт-Петербург

2019 № 1842

CONTENTS

- 5071-5083 Summer fauna of birds of the highlands of Tordoki-Yani (central north Sikhote-Alin) according to 1980 observations.
A. A. NAZARENKO
- 5083-5087 Materials for the distribution of the common bullfinch *Pyrrhula pyrrhula* in the Chelyabinsk Oblast.
V. A. GASHK
- 5088-5091 About the nutcracker *Nucifraga caryocatactes* in the Arkhangelsk Oblast. V. A. ANDREEV
- 5091-5094 The corn bunting *Miliaria calandra* in the north of the range in Chuvashia and the Republic of Mari El.
A. A. LASTUKHIN
- 5094-5098 New data on the expansion of the mute swan *Cygnus olor* in the Semipalatinsk Irtysh region. A. S. FELDMAN, N. N. BEREZOVIKOV
- 5098-5106 The dynamics of the abundance of breeding populations of birds of prey and owls in lightly forested areas of Southern Primorye over 16 years of observation (1998-2013).
E. A. VOLKOVSKAYA - KURDYUKOVA, A. B. KURDYUKOV
- 5107-5109 On the question of color variation of the oriental scops owl *Otus sunia*. E. A. KOBLIK, A. A. MOSALOV, Ya. A. RED'KIN
-

A.V.Bardin, Editor and Publisher
Department of Vertebrate Zoology
St. Petersburg University
St. Petersburg 199034 Russia

Летняя фауна птиц высокогорного пояса Тордоки-Яни (центрально-северный Сихотэ-Алинь) по наблюдениям 1980 года

А.А.Назаренко

Александр Александрович Назаренко. Лаборатория орнитологии. ФНЦ Биоразнообразия ДВО РАН. Проспект 100-летия Владивостока, д. 159, Владивосток, 690022, Россия.
E-mail: birds@biosoil.ru

Поступила в редакцию 15 октября 2019

В рамках работ по изучению фауны высокогорий юга Дальнего Востока России полевой отряд Биолого-почвенного института ДВО АН СССР в составе орнитолога, двух энтомологов, двух студентов-практикантов Дальневосточного государственного университета (ДВГУ) и лаборанта-териолога 17 июня 1980 высадился на вертолёте Ми-8 Хабаровского аэропорта в истоках речки Бомболи на северо-западном макросклоне горы Тордоки-Яни (Сихотэ-Алинь) на высоте 1370 м н.у.м.

Планировалось, что эти работы должны были занять две недели. Соответствующим образом готовилась и эта экспедиция. К сожалению, реальность оказалась существенно иной. Но это позволило более основательно ознакомиться с фауной этого района от верхнего гольцового пояса и до приречных сообществ в долине большой реки Анюй на высоте 400 м н.у.м., огибающей по дуге Тордоки-Яни с востока и севера и впадающей в Амур, в период с 17 июня по 12 июля 1980.

Тордоки-Яни (на некоторых картах Тардоки-Янги) – самый высокий (2090.4 м н.у.м.) и обширный гольцовый массив Сихотэ-Алиня. Его координаты: 48°53'50" с.ш., 138°03'10" в.д. (рис. 1). От Хабаровского аэропорта это 220 км. Это ряд хребтов, рассечённых так называемыми троговыми долинами (рис. 2), образованными ледниками в эпохи похолоданий плейстоцена. В подобных местах, рядом с альпинотипным рельефом (скальными обнажениями), находятся довольно обширные участки горизонтальных, либо слабонаклонных поверхностей, каменистых, либо не очень, занятых горными тундрами и, ниже, в пределах 1400-1600 м н.у.м., зарослями кедрового стланика *Pinus pumila*. Экологическая специфика этого оригинального и важного растения – полегание осенью его ветвей так, что зимой они полностью скрыты под снегом. Незабываемое зрелище в тёплый день середины июня: ветви вдруг резко изгибаются кверху, разбрасывая в стороны ещё не растаявший на них снег.

Верхняя граница леса в этом районе находится в пределах 1500-1600 м н.у.м. Преобладают елово-пихтовые леса. Часто, но не всегда,

верхняя опушка леса образована низкорослыми насаждениями каменной берёзы. Последние встречаются и ниже. Например, наш лагерь на высоте 1370 м располагался в слабосомкнутом каменноберезняке.

Рис. 1. Местоположение горы Тордоки-Яни на северном Сихотэ-Алине.

Рис. 2. Общий вид на троговую долину на Тордоки-Яни. Снимок сделан с высоты 2031 м н.у.м. 10 июля 2018. Фото В.Беркова.

Экологический колорит долин горных водотоков на выположенных участках создают небольшие озёра и луга (рис. 3). У нашего лагеря это озеро Верхнее, лишь частично растаявшее к нашему появлению, в живописном каменном «бордюре». И кочкарниковый луг, местами с куртинами кустарников, площадью несколько гектаров, образовавшийся, возможно, не без участия обширного снежника. Интересно, что в полукилometре ниже по течению более крупное озеро было просто окружено лесом. На окраине этого луга у нашего лагеря было несколько своеобразных озёрушек диаметром 2-3 м, очень удобных для умывания. Но когда в них нужно было заходить, сняв лишнюю одежду, очень хорошо ощущалось, что вода в них сверху даже тёплая, а босые ноги стоят на льду.

Рис. 3. Одно из озёр в долине. В подобном месте располагался наш лагерь 40 лет тому назад. На переднем плане куртина кедрового стланика и его «останки». 10 июля 2018. Фото В.Беркова.

Об авифаунистическом списке

Поскольку в полевом дневнике строгой упорядоченности видов не было, последовательность таксонов принята по сводке Ю.Н.Глущенко, В.А.Нечаева и Я.А.Редькина (2016). Но имеются некоторые номенклатурные расхождения. Приводятся лишь наиболее интересные виды и факты.

Каменушка *Histrionicus histrionicus*. У нашего лагеря мы застали небольшое сообщество, состоящее из пары, одного одиночного самца

(проявлял демонстративное поведение) и на удалении двух самок. Каменушки наблюдались не только на озёрах, но и на нашем каменистом и крутом ручье. В последнем случае они могли неожиданно взлетать буквально в нескольких метрах. К концу июня самцы исчезли.

Тетеревятник *Accipiter gentilis* subsp.? Молодой прошлогодний (продольная исчерченность низа) самец встречен 18 июня в верхней части обширного скального обрыва (кара) на высоте около 1750 м н.у.м. Сидел на камне и энергично вертел головой. Возможно, высматривал пищу *Ochotona* sp. Несколько болезненно отреагировал на моё появление: сначала подал тревожный голос «ке, ке, ке...» (чем и привлёк к себе внимание), а затем спикировал на меня, но метров за 20 резко свернул в сторону и исчез в соседнем каре. Альпийские завирушки при его появлении спрятались в камнях.

Восточный канюк *Buteo japonicus* (Temminck et Schlegel, 1884). Отмечен лишь однажды, 25 июня, но в классической обстановке: «висел» над склоном в воздушном потоке обтекания, высматривая пищу. Эта местность находилась на высоте примерно 1900 м н.у.м. Кстати, в том году численность пищух была небольшой, но отмечались они повсеместно от нашего лагеря до высоты 2090 м.

Рябчик *Tetrastes bonasia*. На окраине нашего лагеря в 2 м от моей палатки в открытом кверху полудупле выворотня высотой 1.5 м было обнаружено гнездо рябчика. Птица вылетела из укрытия, когда я случайно вплотную подошёл к выворотню. 30 июля вывелись 7 птенцов, 1 яйцо оказалось болтуном. Птица вела себя поразительно скрытно. Рябчики, в том числе их птенцы-поршки, попадались и выше, вплоть до верхней границы леса.

Зелёный конёк *Anthus hodgsoni*. Обычен, но территориальное распределение этого вида не во всём понятно. По частоте встреч можно составить следующие характеристики предпочитаемых местообитаний.

1) Крутые и даже очень крутые крупнообломочные и даже скалистые склоны, их участки, частично задернованные и с куртинами кедрового стланика. Вверх до 2000 м, без преувеличения, птицы действительно наблюдались и пели рядом с альпийскими завирушками и синехвостками. В целом конёк отдаёт предпочтение южным склонам, где травянистая растительность в большей степени образована злаками.

2) Некрутые каменистые склоны южной экспозиции с лишайниково-кустарниковым и злаковым (у ручьёв и озерков) покровом и куртинами стланика, от 1900 м и ниже. Именно эта среда является типичной для данного вида в высокогорьях Сихотэ-Алиня.

3) Поляны разнотравья у верхней границы леса с участием криволеся каменной берёзы. Численность подобных локальных поселений невысокая, и основным фактором здесь является позднее, к 20-м числам июня, таяние обширных снежников. Подобные места начинают за-

селяться птицами со второй половины июня. Подробно эта ситуация рассмотрена в Полевом дневнике (Назаренко 1980, с. 21-23).

Гольцовый конёк *Anthus (rubescens) japonicus* (Temminck et Schlegel, 1847). Таксономический комментарий. Несмотря на успехи «молекулярной систематики» и комплексного рассмотрения традиционных, в том числе окрасочных признаков, таксономические отношения между популяциями гольцовых коньков Старого и Нового Света остаются неясными. «Эти расы могут представлять более, чем один вид». Здесь приведён именно этот вариант. Его ареал: «N, S, and E. Russia (del Ного, Collar 2016, p. 736, № 10).

Экологический контекст. Обычен, распределение и характер местобитания типичны для центрального Сихотэ-Алиня: горная кустарничковая и лишайниковая тундра, каменистая и не очень, горизонтальные либо некрутые участки склонов, вплоть до 2090 м. Нижние пределы обитания строго не выяснены. На крутых склонах каров ни разу не наблюдался. Таким образом, птицы игнорируют участки, которые занимают севернее: на Баджальском хребте (рис. 1), что к северу от долины Амура (мои неопубликованные данные).

Поведение. В период наблюдений (вторая половина июня – начало июля) птицы вели себя довольно скрытно, в том числе вяло пели и далеко не все. Так что истинную численность этой популяции не удалось определить, и осталось впечатление, что численность местной популяции ниже, чем севернее, на Баджальском хребте.

Добытый самец от конца июня имел несколько спавшие семенники, у самки от этого времени было хорошо развитое наседное пятно и совсем небольшой гроздевидный яичник. Судя по поведению самки, она была просто встревожена, а не согнана с гнезда.

Гольцовые коньки очень любят камни, садятся и взлетают с них во время песенной демонстрации. Сам токовой полёт – это крутой и сильный взлёт на высоту 100-150 м с громкой позывкой вроде «*ри, ри, ри, ри...*», а затем такое же крутое снижение на полуприжатых крыльях и сильно приподнятом хвосте с позывкой «*си, си, си, си...*». Затем короткий полёт над самой землёй и посадка на камень. Взлётно-песенная демонстрация всегда осуществляется против ветра. Собственно тревожную позывку случилось услышать лишь в самом конце июня.

Горная трясогузка *Motacilla cinerea*. Обычна, местообитания – горные ручьи и речки, моренные озёра, в том числе у нашего лагеря, каменные развалы и скальные участки стен каров в местах перехода горизонтальных поверхностей в склоны. Преимущественно это южный макросклон, вверх до 2000 м. В подобных условиях горные трясогузки поют и летают демонстративным полётом. К сожалению, гнёзда этого вида не были найдены. Слётки, уже довольно хорошо летающие (рулевые перья достигли трети от дефинитивной длины) наблюдались 8 и

9 июля на ручье Бомболи, на котором мы стояли, на высоте примерно 1400-1450 м н.у.м.

Кедровка *Nucifraga caryocatactes*. Повсеместно кедровки стали отмечаться с начала июля. К 9 июля было добыто 6 экз. в ельниках в бассейне истока ручья Бомболи. Почти у всех началась либо уже проходила линька оперения тела и хвоста. Питание: в желудках почти у всех – орешки кедрового стланика из прошлогодних запасов. Из других объектов – преимущественно жуки.

Ворон *Corvus corax*. В обследованной части вершины Тардоки-Яни, недалеко от нашего лагеря, постоянно наблюдалась семья воронов, судя по поведению и состоянию оперения – две молодые птицы, уже уверенно летающие, и их родители. Изредка держались все вместе, но чаще поодиночке либо парами. Взрослых отличало то, что они постоянно демонстрировали в воздухе – переворачивались сбоку на бок. Обратило на себя внимание то, что вороны постоянно посещали обширный снежник на противоположном, западном склоне нашей долины, выше пояса кедрового стланика. При первой же возможности я поднялся туда. Оказалось, что вся его горизонтальная поверхность была покрыта многими сотнями, возможно, тысячами небольших и мелких крылатых насекомых. Видимо, более крупные уже были собраны воронами. На следующий день наши энтомологи собрали уникальный материал по дальним заносам этих насекомых. Некоторые из них, как божьи коровки, являются строгими обитателями аграрного ландшафта. Возможно, в сумерках снежник выступает как источник света, привлекающая к себе летящих насекомых. Кстати, они были добычей не только воронов (см. ниже).

Альпийская завирушка *Laiscopus collaris* Scopoli, 1769. Таксономический комментарий. В сводке «Птицы Приморского края» (Глуценко и др. 2016, с. 292) этот вид рассматривается как принадлежащий к роду *Prunella*. В современных таксономических сводках (del Hooy, Collar 2016, p. 694-695, № 1, 2) мягко отмечено, что вид, описанный как *Accentor himalayanus* Blyth, 1842, иногда рассматривается в составе рода *Laiscopus*, причём второй вид является типовым для этого рода. Однако оказалось, что имеется более корректная информация: *Laiscopus* Gloger, 1841, тип по монотипии *Sturnus collaris* Scopoli (Ripley 1982, p. 489). Мне хорошо известны признаки и повадки альпийской и сибирской завирушки *Prunella montanella* в природе (Назаренко 1979, с. 8-11). Они радикально различаются у этих видов по всем возможным параметрам: морфологии, размерам и повадкам, в том числе манерами полёта и передвижения, вокализации разной направленности. У альпийской завирушки, к тому же, поют самки, видимо, поэтому они и выглядят ярче. И их экологические среды радикально разные.

Среда обитания. Альпийская завирушка обычна. Её местообита-

ния – каменные развалы, скалы и осыпи от 1700 до 2090 м н.у.м. Пара наблюдалась на самой вершине. Между прочим, в подобных каменных развалах, в особенности на их горизонтальных участках, всегда в большом количестве можно было наблюдать небольших чёрных пауков, которые не плетут паутиновых сетей. Видимо, это важный кормовой ресурс. В случаях, когда поверхность круто обрывается, к гнездовому участку можно было просто подойти сверху. В начальный период наблюдений завирушки энергично пели и преследовали друг друга. По впечатлению, песня более проста и менее мелодична, чем у птиц из южного Забайкалья (Назаренко 2016а, с. 3967). 29 июня наблюдал птицу, судя по яркой окраске – самку, которая сначала кормилась сама, а затем стала собирать корм на поверхности снежника (на высоте 1700-1750 м н.у.м.), а потом с кормом улетела вдоль скальной стены. К этому времени пение почти прекратилось, и слышимые звуки, возможно, касались выяснения территориальных отношений.

Сибирская завирушка *Prunella montanella*. Некоторые экологические аспекты. Обычна, характерный обитатель зарослей кедрового стланика, вверх до их предальпийской мозаики и вниз до верхней границы леса, примерно 1300-1600 м н.у.м. 18 июня внутри обширного и сплошного стланика на склоне средней крутизны (примерно 1500 м) я нашёл гнездо. Оно находилось на высокой выступающей ветке на высоте 1.5 м и было хорошо заметно издалека. 4 яйца были тёплыми, но птицы себя не обнаружили. Общая окраска яиц зеленовато-голубая. Основа гнезда – зелёный мох, стенки гнезда очень толстые. 22 июня нашёл прошлогоднее гнездо (разорено: остатки скорлупы) в опушечных зарослях редкостойного елово-каменноберёзового леса на дне кара на высоте примерно 1500 м н.у.м. Оно помещалось на отдельно растущей ёлочке в 1 м от земли. 11 июля в черте верхней опушки леса на высоте примерно 1550 м н.у.м. найдено гнездо с 3 тёплыми яйцами, взрослых птиц не обнаружил. Гнездо помещалось на невысокой ёлочке в 1 м от земли. Внутренний диаметр лотка 56 мм, глубина 43 мм. В этом же месте обнаружил 2 молодых птиц, видимо, недавно оставивших гнездо. Взрослых птиц не заметил. Они издавали типичную видовую позывку. Интрига в том, что в период гнездования взрослые птицы перестают её издавать (Назаренко 1979, с. 10). В данном районе позывки у взрослых можно было слышать первые 2-3 дня, но не более.

Пеночка-таловка *Phylloscopus (borealis?) hylebata* Swinhoe, 1860. Таксономический комментарий. Недавно Я.А.Редькин в коллективной монографии «Птицы Приморского края, краткий фаунистический обзор» (Глуценко и др. 2016, с. 312-314) подтвердил, что гнездящаяся популяция таловок Сихотэ-Алиня должна носить имя *hylebata*. По крайней мере, в данном регионе она имеет свой вокальный вариант. В другом справочнике (Del Hooy, Collar 2016, p. 488-489, № 55) указано, что

монотипический вид *Ph. borealis* состоит из нескольких рас (races): *talovka*, *trasbaikalensis*, *hylebata*, и для каждой указан ареал. Для последней формы это северо-восточный Китай, юго-восточная Россия и северная Корея. И никакого перечня подвидов со всей необходимой фактологией для каждого (как в случаях, когда подвиды признаются).

В данном районе это обычный вид верхней опушки леса на стыке и с частичным перекрытием с поясом кедрового стланика. Здесь повсеместны и кустарниковые заросли, и поляны разнотравья. В нашей троговой долине это от 1350 м н.у.м. и выше. Типичный облик гнездового участка – большая ель в окружении обширной куртины кедрового стланика. На вершине ели – песенный пост: птицу слышишь, но не видишь. И не добудешь! Знакомство с таловкой на многих вершинах позволило обнаружить одну характерную деталь: плотность популяции этого вида в период гнездования намного ниже, чем у всех других пеночек. Так, например, находясь на склонах выше верхней границы леса с хорошим пространственным обзором, никогда не удаётся услышать более 2-3 птиц, поющих в разных местах одновременно. А песня у них очень громкая.

Зелёная пеночка *Phylloscopus (trochiloides?) plumbeitarsus* Swinhoe, 1861. Обычна, но численность (в данном году?) невысокая. По этой причине популяция была несколько «ужата» снизу: у нашего лагеря, 1350 м н.у.м., зелёных пеночек не было. Зато в небольшом числе они были обнаружены в зарослях кедрового стланика (как и на горе Облачная в 1975 году). Основная же часть популяции была приурочена собственно к верхней границе леса.

Бурая пеночка *Phylloscopus fuscatus*. Характерный обитатель собственно зарослей кедрового стланика – от уровня нашей троговой долины (1300 м н.у.м.) и до верхнего предела этого пояса, где стланик в виде куртин ютится в различных западинах и едва возвышается над уровнем каменных осыпей, развалов или горной тундры. Кроме того, это днища каров, долины горных ручьёв, местами на довольно крутых склонах. Случалось видеть, что бурые пеночки поют сидя на выступающих камнях.

Толстоклювый черноголовый чекан *Saxicola stejnegeri* (Parrot, 1908). Неожиданным образом чеканы были обнаружены на гнездовании на лугу у нашего лагеря, что на высоте 1350 м н.у.м. 2 июля энтомолог Г.Ш.Лафер при проверке цилиндров для отлова жуков обнаружил гнездо с 5 птенцами примерно 1-2-дневного возраста. Очевидно, птицы на гнездовом участке в период насиживания ведут себя крайне скрытно. В данном случае самка вылетела буквально из-под ног, обнаружив и себя и гнездо. На короткое время появился и самец. Я неоднократно ходил по этой части луга и Г.Ш.Лафер ранее много времени провёл на этом месте, вкапывая цилиндры. При последующих посе-

щениях этого места чеканы стали издавать две-три тревожные позывки, а затем исчезали, а в последующем более активно реагировали на наше появление. Оказалось, у самца есть постоянный наблюдательный пункт на высоком ивовом кусте, и его в бинокль можно было издали увидеть на этом месте. Вечером 11 июля в другой части этого луга с большим участием кустарников была обнаружена ещё одна тревожащая пара. В принципе на этом лугу можно было ожидать ещё одну-две пары чеканов. Утром 12 июля на лугу и у нашего лагеря был заморозок: на небольших лужах образовался тонкий ледок.

Соловей-красношейка *Calliope calliope* (Pallas, 1776). Номенклатурный комментарий. Современные молекулярно-генетические исследования показали, что этот вид должен рассматриваться в составе родовой группы *Calliope* (del Hoyo, Collar, 2016, p. 644-645, № 190).

Обычен, экологическая локализация классическая: весь пояс кедрового стланика и другие древесно-кустарниковые заросли от уровня троговой долины у нашего лагеря и до высот, где куртины стланика разбросаны между участками каменных развалов и горной тундры. Самцы спокойно пели по вечерам, но с начала июля стали более беспокойными, можно было наблюдать и самок в состоянии тревоги. Но вечернее пение сохранялось.

Синехвостка *Tarsiger cyanurus*. Обычна. Как и везде (Глущенко и др. 2016, с. 355), населяет преимущественно верхний пояс таёжных лесов. Но на Тордоки-Яни (Полевой дневник, с. 9-11) нас ожидала полная неожиданность: синехвостки были встречены на крупнообломочных осыпях, каменных развалах и на стенах каров вплоть до верхнего уровня вершины. Ещё одна деталь – это преимущественно крутые склоны. Неоднократное посещение одних и тех же мест показало, что птицы здесь держатся постоянно, поют, сидя на выступающих камнях, или издают тревожные позывки. И их соседями являются альпийские завирушки и зелёные коньки. Кстати, в конце июня синехвостки ещё очень энергично поют. Естественно, синехвостки населяют и верхнюю границу леса: каменноберезняка с полянами и куртинами стланика, но в сплошных обширных зарослях стланика не наблюдались. А при спуске 14-16 июля в долину реки Анюй птицы в приручейных ельниках наблюдались повсеместно (Полевой дневник, с. 50). Возможно, для данного региона общая численность популяции как раз в тот год была значительной.

Юрок *Fringilla montifringilla*. Северная половина Сихотэ-Алиня относится к южной периферии гнездовой части ареала юрка, причём и эта периферия крайне неустойчива в контексте времени и пространства. Это вытекает из краткого обзора по этому виду (Глущенко и др., 2016, с. 392). В год нашего визита на Тордоки-Яни юрки в этом районе всё-таки загнездились. Это следует из присутствия и поведения взрос-

лых самцов. Конкретное место встречи: редкостойный ельник с полянами и куртинами каменной берёзы в истоках ручья Бомболи, плоское днище кара, высота 1500 м н.у.м. Две птицы в разных местах выдали себя тревожной позывкой – рюением, а затем их удалось и увидеть. Они отмечались и при повторных визитах в это место по упорному рюению. 27 июня я долго наблюдал за одним самцом. Он был крайне осторожен, сидел на вершине ели и непрерывно рюнил. Все свидетельствовало о близости гнезда. Но другая птица, самка, не была замечена. Интересно, что у нашего лагеря, где вполне подходящая обстановка, юрки не наблюдались. 8 и 9 июля я вновь посетил то место, но никого не услышал и не увидел. 14-16 июля наблюдения за этим видом проведены в долине реки Анюй у подножья Тордоки-Яни. На прилежащих склонах старые (зрелые) ельники, на сырых участках в долине – разные варианты лиственничников, включая и лиственничные мари. «Сейчас (14-16 июля) молодые уже достигли размера взрослых птиц, выводки объединяются в стаи, последние довольно подвижны. Но позывки молодых птиц слышны повсеместно, видимо, взрослые их ещё подкармливают. Стаи держатся в кронах высокоствольных насаждений. Видимо, всецело насекомоядные. Данный район – пока наиболее южная установленная граница ареала» (Полевой дневник, с. 43-44).

В целом все гольцовые вершины Сихотэ-Алиня и прилежащих горных хребтов – это «экологические острова», и их биота, в особенности птицы, ярко демонстрируют эффекты наличия-отсутствия видов – итога как исторических событий плейстоцена (Назаренко 2016 б), так и текущих событий, вызванных неизбежным прохождением стадии «малых островных популяций». Здесь желателен долговременный мониторинг.

О нашем быте

Минуло более двух недель нашего пребывания в горах, и я, как руководитель полевого отряда, стал подозревать, что у нас возникли проблемы с отделом ПАНХ (Применение авиации в народном хозяйстве) Хабаровского аэропорта, поскольку рейс за нами был уже проплачен.

Пришлось экономить на еде и переходить на «подножный корм». Рано утром, когда лагерь ещё спал, я натошак уходил стрелять кедровок и рябчиков (у меня был манок на рябчика), но и тех и других было мало. У нашего лагеря были добыты три каменушки, одна из них имела наседное пятно, т.е. она насиживала кладку.

У нас были хорошие топографические карты района и мы знали, что в 40 км от нас, вниз по Анюю и в сторону, расположена гидрометеостанция Солекуль, действующая и по настоящее время, через которую только и была возможна связь с внешним миром.

12 июля в 14 ч мы оставили наш лагерь с оставшимися вещами в одной общей палатке и с детальным руководящим посланием для эки-

пажа вертолѐта (оно сохранилось) о нашем маршруте, и местах, где нас следует искать. Но вертолѐт так и не появился.

13 июля к обеду, после ночѐвки дорогой, мы вышли на Анюй. У одного из наших энтомологов оказались рыболовные снасти. Я свою самодельную палатку с двойной крышей (верхняя из прозрачного полиэтилена) поставил прямо на берегу. Это было очень кстати, поскольку червей мы не нашли, зато под прозрачный тент палатки ежедневно набивались многие десятки очень крупных слепней. Они вполне заменили нам червей. Тонкие лески рвались, а крючочки разгибались, потому что в реке водилась крупная и очень крупная рыб. Но все-таки мы её ловили! А я, кроме того, с остатками боеприпасов, стрелял всё, что было доступно и разумно. К этому времени у нас не осталось ни соли, ни сахара.

Наиболее бодрыми из нас были В.Н.Кузнецов и его студент, они и отправились на метеостанцию Солекуль, имея на руках текст телеграммы на имя руководства ПАНХа и копию на имя Первого секретаря Хабаровского крайкома КПСС А.К.Чѐрного о нашем бедственном положении. Дорога ожидалась очень трудной, поскольку на реке было много «прижимов» – отвесных скал прямо от уровня воды, которые можно было преодолевать только по верху. Но им повезло, они вышли на зимовьѐ, и студент сразу выпил банку сгущенного молока...

Мы также не сидели без дела. По утрам, помимо «охоты», я просто наблюдал птиц. Например, на реке у нашего лагеря на речном прижиге постоянно держалось семейство воронов, до нас доносились их голоса. Но чем они там могли питаться, так и осталось неясным. Мы подготовили площадку для приѐма вертолѐта, вырубив соответствующий участок мелколесья и кустарников, и через пару дней он прилетел. И это было очень вовремя, поскольку рыба на прилегающем участке реки стала исчезать, очевидно, её запасы были небольшими. А я всё чаще стал ощущать, что мне больше хочется лежать, чем ходить. Вторым рейсом, где был В.Н.Кузнецов, нам привезли наш груз с Тордоки-Яни. Но нас не отвезли в Хабаровск, очевидно, сумма, оплаченная нашим институтом, оказалась недостаточной для этого. Мы оказались в посѐлке Троицкое, административном центре Нанайского района, на берегу Амура, где был вокзал для проходящих пассажирских катеров на подводных крыльях. Там мы немного «отъелись» и заночевали: спали просто на голых скамьях. Лишь к вечеру на пассажирском катере мы добрались до Хабаровска. И только через месяц некоторые из нас, но не все, заметно поправились...

Заключение

Тордоки-Яни, в связи с проведѐнной «трансконтинентальной» дорогой Лидога (Амур) – Ванино (морское побережье), включая большой

мост через реку Анюй – ныне земля обетованная для туристов всех мастей. К сожалению, экологический облик этой самой высокой вершины Сихотэ-Алиня вследствие уже изъятых ресурсов древесины и «природных» пожаров – вплоть до пояса кедрового стланика, радикально изменился, что прекрасно видно на многочисленных фотографиях в интернете, включая кадры с останками кедрового стланика (рис. 4). Кедровый стланик, как известно, не имеет никакой коммерческой ценности, но важен как природная среда для популяций целого ряда видов птиц, что и показано в данной работе.

Рис. 4. Гора Тордоки-Яни. На переднем плане – остатки сгоревшего кедрового стланика. 10 июля 2018. Фото В.Беркова.

В настоящее время горный массив Тордоки-Яни является памятником природы Хабаровского края (памятник природы регионального значения «Гора Тордоки-Яни»)*, рядом проходят границы Анюйского национального парка†. В контексте современной реальности, это, скорее всего, памятник былой природе.

Считаю свои приятным долгом выразить признательность моей жене и коллеге Марине Владимировне Павленко (ФНЦ Биоразнообразия ДВО РАН) за всестороннюю помощь при подготовке рукописи к печати. Благодарю Виталия Беркова, любезно предоставившего прекрасные фотографии современного состояния высокогорной среды гольцового массива Тордоки-Яни.

* <http://oopt.aari.ru/node/18798>

† <http://oopt.aari.ru/node/18284> и <http://oopt.aari.ru/node/6699>

Литература

- Глушченко Ю.Н., Нечаев В.А., Редькин Я.А., 2016. *Птицы Приморского края: краткий фаунистический обзор*. М.: 1-523.
- Назаренко А.А. 1979. О птицах высокогорий Сихотэ-Алиня // *Биология птиц юга Дальнего Востока СССР*. Владивосток: 1-15.
- Назаренко А.А. 1980. Птицы гольцового массива Тардоки-Яни, 2090.8 м н.у.м., северный Сихотэ-Алинь, 17 июня – 11 июля 1980 г. // *Полевой дневник*: 1-53 (рукопись).
- Назаренко А.А. 2016а. К орнитофауне Хэнтэй-Чикойского нагорья, южное Забайкалье // *Рус. орнитол. журн.* **25** (1352): 3957-3973.
- Назаренко А.А. 2016б. К истории орнитофауны субальпийского ландшафта гор Сибири и Дальнего Востока // *Рус. орнитол. журн.* **25** (1383): 5005-5019.
- del Hoyo J., Collar N.J. 2016. *Illustrated Checklist of the Birds of the World*. Vol. 2. Passerines. Barcelona: 1-1013.
- Ripley S.D. 1982. *A Synopsis of the Bird of India and Pakisntan*. Bombay: 1-652.

ISSN 1026-5627

Русский орнитологический журнал 2019, Том 28, Экспресс-выпуск 1842: 5083-5087

Материалы к распространению обыкновенного снегиря *Pyrrohula pyrrhula* в Челябинской области

В.А. Гашек

Валерия Александровна Гашек. ОГУ «Особо охраняемые природные территории Челябинской области». Ул. Карла Маркса, д. 72а, Челябинск, 454091. E-mail: gashek_va@mail.ru

Поступила в редакцию 25 октября 2019

Обыкновенный снегирь *Pyrrohula pyrrhula* остаётся малоизученным видом в восточной части российского ареала (на восток от Урала). Сведения о его гнездовой биологии и экологии довольно скудны. Данных о численности и гнездовании в Челябинской области крайне мало, что объясняется скрытностью этих птиц в период размножения, труднодоступностью гнездовых биотопов в лесной зоне (в северной части области), где плотность населения снегиря более высокая, и малочисленностью в лесостепной и степной зонах. Случаи гнездования были описаны для Картубайского бора, находящегося в степной зоне области (Гашек 2002) и Каштакского бора – в средней лесостепи (Тарасов и др. 2018). В Санарском бору (южная лесостепь) регистрировали слётков с самкой во второй декаде июля (Гашек 2016). В Челябинском (городском) бору наблюдали спаривание, самка при этом была с гнездовым материалом в клюве (Гашек и др. 2018). Пару снегирей отмечали в период размножения в Карагайском заказнике, расположенном в степной зоне (Гашек и др. 2019).

Известно, что для размещения гнёзд снегирь в разных регионах (Ленинградская, Архангельская, Рязанская, Оренбургская, Московская области, Новосибирск, Западный Алтай, Киев, Сумская область) предпочитает хвойные породы: можжевельник, ель, тую, сосну, пихту (Адольф 1972; Ивушкин 2015; Мальчевский, Пукинский 1983; Андреев 2011; Жимулёв и др. 2012; Каминский 2018; Иванчев 1995; Морозов, Корнев 2010; Кныш 1995; Домашевский, Лорберг 1991; Щербаков, Зайцев 2017). Описан случай нахождения гнезда в куче свежесрубленных сосновых ветвей в Свердловской области (Коровин, Нефедов 2016). Западноевропейские снегيري могут устраивать гнёзда в лиственных кустарниках, ежевике, на буках, каштанах (Ивушкин 2015). Как указывает тот же автор, в южной части ареала численность снегирей резко падает при недостатке еловых лесов, однако в последнее время снегيري начали проникать в лесостепные районы, гнездясь в сосновых борах или лесополосах. При этом встречаются гнёзда, построенные и в зарослях лиственных деревьев (Белик, Москаленко 1993; Кныш 1995; Сахвон 2009;).

Существует ряд наблюдений, свидетельствующих о склонности к синантропизации вида в разных частях российского ареала: в Ленинградской области (Мальчевский, Пукинский 1983; Ингинен и др. 2010), Новосибирске (Жимулёв и др. 2012), Москве (Каминский 2018). В Челябинской области нами доказано гнездование снегирей в Каштакском бору: гнездо располагалось в нескольких десятках метров от жилого комплекса посёлка Каштак (Тарасов и др. 2018). Предполагается гнездование в Челябинском (городском) бору (Гашек и др. 2018), находящемся в центре мегаполиса. В обоих лесных массивах основной лесобразующей породой является сосна обыкновенная. Эти находки не противоречат утверждению В.Е.Ивушкина (2015) о том, что снегيري, «если и гнездятся в парках больших городов, то только в местах с обязательным присутствием хвойных деревьев».

При проведении орнитологических исследований в 2019 году в южной части Аршинского заказника (Кусинский район Челябинской области), большая часть которого покрыта хвойно-широколиственными лесами, на участке с порослью молодых берёз и рябин с густым покровом из орляка обыкновенного 31 июля обнаружили гнездо обыкновенного снегиря, в котором самка насиживала кладку из 4 яиц (рис. 1). Гнездо было расположено на молодой 5-метровой берёзе, у ствола, на высоте 3.7 м (рис. 2). Наружные стенки были построены из тонких берёзовых веточек, внутренние – из стеблей злаков, выстилка лотка состояла из листьев и тонких стеблей злаков, тонких корешков и прошлогодних берёзовых листьев. При посещении гнезда 3 августа в нем оказалось 5 яиц. Таким образом, по высчитанным срокам, кладка была начата 28 июля, закончена – 1 августа. Промерили 2 яйца; их раз-

меры оказались 21.2×15.7 и 20.2×15.6 мм. Яйца бледно-голубого цвета с тёмно- и светло-бурыми неясными пятнами, более густо расположенными ближе к тупому концу (рис. 3). Самка насиживала очень плотно: в обоих случаях слетала при осмотре гнезда только при приближении наблюдателя вплотную к нему – практически из-под руки.

Рис. 1. Гнездовой биотоп снегиря *Pyrrhula pyrrhula* в Аршинском заказнике. Кусинский район, Челябинская область. 31 июля 2019. Фото автора.

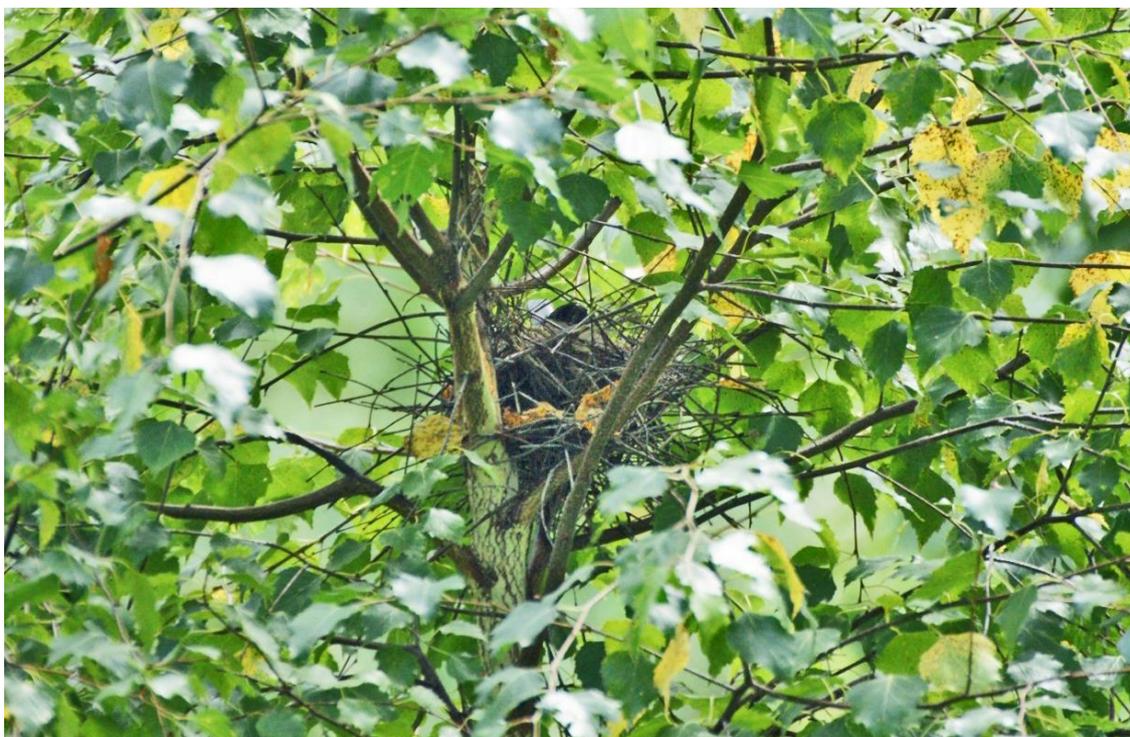

Рис. 2. Гнездо снегиря *Pyrrhula pyrrhula* с насиживающей самкой. Аршинский заказник. 31 июля 2019. Фото автора.

Рис. 2. Кладка снегиря *Pyrrhula pyrrhula*. Аршинский заказник. 4 августа 2019. Фото автора.

Необычным оказалось выбор снегирями берёзы в качестве гнездового дерева при изобилии хвойных пород на данной территории (сосна, ель, пихта). Указать причины поздних сроков гнездования не представляется возможным. О растянутости сроков гнездования снегиря (с апреля по август) и зависимости их от конкретных условий года упоминали многие исследователи (Мальчевский, Пукинский 1983; Ивушкин 2006, 2015; Шутова, Ладыжев 2009; Домашевский, Лорберг 2017). Поздние кладки предположительно являются вторыми, хотя бицикличность не доказана прямыми наблюдениями за мечеными особями (Мальчевский, Пукинский 1983). Вероятно, кладка в гнезде, обнаруженном в Аршинском заказнике, также была второй или повторной.

На территории обследованной нами южной части Аршинского заказника снегирь найден немногочисленным, но встречался практически повсеместно. С 30 июля по 5 августа 2019 одиночки и пары постоянно встречались на маршрутах как на территории заказника, так и в окрестностях, к югу от его границ. Самку со слётком, выпрашивающим корм, встретили 4 августа в густой пойменной поросли бёрез, осин и ив.

Л и т е р а т у р а

- Адольф Т.А. (1972) 2018. Гнездование снегиря *Pyrrhula pyrrhula* в Московской области // *Рус. орнитол. журн.* **27** (1562): 509-510.
- Андреев В.А. 2011. О населении и гнездовании снегиря *Pyrrhula pyrrhula* в Архангельске // *Рус. орнитол. журн.* **20** (638): 472-474.
- Белик В.П., Москаленко В.М. 1993. Авифаунистические раритеты Сумского полесья: 1. Passeriformes // *Беркут* **2**: 4-11.

- Гашек В.А. 2002. Новые данные к орнитофауне юга Челябинской области // *Материалы к распространению птиц на Урале, в Приуралье и Западной Сибири*. Екатеринбург: 90-92.
- Гашек В.А. 2016. Из орнитологических наблюдений 2016 года в Челябинской области // *Фауна Урала и Сибири* 2: 70-78.
- Гашек В.А., Красуцкий Б.В., Рябицев А.В. 2018. К авифауне Южного Зауралья // *Фауна Урала и Сибири* 1: 155-162.
- Гашек В.А., Красуцкий Б.В., Рябицев А.В. 2019. Итоги орнитологических исследований в степных и лесостепных районах Челябинской области в 2018 году // *Фауна Урала и Сибири* 1: 128-141.
- Домашевский С.В., Лорберг Б.А. (1991) 2017. Гнездование снегиря *Pyrrhula pyrrhula* под Киевом // *Рус. орнитол. журн.* **26** (1446): 2038-2039.
- Жимулёв И. Ф., Шнайдер Е.П., Штоль Д.А., Андреевкова Н.Г., Андреевков О.В., Цыбулин С.М., Равкин Ю.С. 2012. Заметки по орнитофауне окрестностей Новосибирского академгородка // *Материалы к распространению птиц на Урале, в Приуралье и Западной Сибири* **17**: 60-66.
- Иванчев В.П. 1995. О статусе некоторых видов птиц Окского заповедника // *Тр. Окского заповедника* **19**: 314-316.
- Ивушкин В.Е. 2006. Фенология жизненных циклов и механизмы хронологической изоляции снегирей в условиях юга Восточной Сибири // *Бюл. Вост.-Сиб. науч. центра СО РАН* 2: 44-50.
- Ивушкин В.Е. 2015. Род *Pyrrhula* Brisson, 1760: состав, распространение и особенности экологии // *Рус. орнитол. журн.* **24** (1143): 1679-1738.
- Ингинен М.П., Борель И.В., Нецепляева И.С. 2010. Птицы Гатчинского ландшафтного парка (по наблюдениям 2008-2009 годов) // *Рус. орнитол. журн.* **19** (541): 6-14.
- Каминский А.М. 2018. К орнитологической фауне Московской губернии: о гнездовании снегиря *Pyrrhula pyrrhula* и белокрылого клеста *Loxia leucoptera* // *Рус. орнитол. журн.* **27** (1636): 3268-3269.
- Кныш Н.П. (1995) 2003. Гнездование снегиря *Pyrrhula pyrrhula* на севере Сумской области // *Рус. орнитол. журн.* **12** (229): 791.
- Коровин В.А., Нефёдов Н.А. 2016. Новые сведения о птицах биостанции Уральского федерального университета (Свердловская область) // *Фауна Урала и Сибири* 2: 91-100.
- Мальчевский А.С., Пукинский Ю.Б. 1983. *Птицы Ленинградской области и сопредельных территорий. История, биология, охрана*. Л., **2**: 1-504.
- Морозов В.В., Корнев С.В. (2010) 2017. К авифауне национального парка «Бузулукский бор» и запада Оренбургской области // *Рус. орнитол. журн.* **26** (1517): 4484-4489.
- Сахвон В.В. 2009. Характеристика орнитофауны пойменных лесов Беларуси // *Экология, эволюция и систематика животных*. Рязань: 268-269.
- Тарасов В.В., Гашек В.А., Рябицев А.В., Грачев С.В. 2018. К фауне птиц лесостепной зоны Челябинской области // *Фауна Урала и Сибири* 2: 106-112.
- Шутова Е.В., Ладыжев Л.С. 2009. Материалы по гнездованию и питанию снегиря *Pyrrhula pyrrhula* на островах Кандалакшского залива (Белое море) // *Рус. орнитол. журн.* **18** (465): 263-272.
- Щербаков Б.В., Зайцев Н.А. 2017. Обыкновенный снегирь *Pyrrhula pyrrhula* на Западном Алтае // *Рус. орнитол. журн.* **26** (1478): 3139-3143.

О кедровке *Nucifraga caryocatactes* в Архангельской области

В.А.Андреев

Валерий Аркадьевич Андреев. Ул. Карла Маркса, д. 24, кв. 2, Архангельск, 163000, Россия.
E-mail: valerianandreev54@gmail.com

Поступила в редакцию 24 октября 2019

Кедровка *Nucifraga caryocatactes* является обычным, но немногочисленным залётным видом Архангельской области. Известно множество залётов кедровки в разные районы области в летне-осенний период. Уже в ранних работах о птицах Архангельской области кедровка упоминалась в качестве редкого залётного вида осенью (Вальнёв 1880; Гебель 1903; Поляков 1929; Чёрный 1905). В первой половине XX века кедровка в качестве редкого, но не гнездящегося вида отмечалась в Архангельске и его окрестностях (Паровщиков 1941). Однако в литературе есть указания на гнездование европейского подвида кедровки *N. c. caryocatactes* в Архангельской области без указания конкретных гнездовых районов, сведений о находках гнёзд или выводков (Рустамов 1954; Емельянова и др. 2001). Предполагалось её гнездование в Пинежском заповеднике (Рыкова 1986 – цит. по: Сазонов 2011).

Залёты сибирского подвида кедровки *N. c. macrorhynchos* в разные районы Архангельской области в осенний период отмечены в различных орнитологических сводках (Асоскова, Константинов 2005; Корнеева и др. 1984; Рыкова 2013; Сазонов 2011; Черенков и др. 2014), а также в отдельных статьях (Андреев 2005, 2017; Плешак 1997, 2000а,б; Рыкова 1999, 2003). Мне также известны массовые инвазии кедровок в некоторые районы области, а также сообщения респондентов о залётах кедровок в 2016-2019 годах (рис. 1, 2). В 2016 году первые кедровки отмечались на окраинах Архангельска уже в конце июля, и их встречи продолжались до конца сентября.

По сведениям из указанных публикаций и собственным наблюдениям автора наиболее массовые залёты сибирских кедровок в разные районы Архангельской области отмечены в 1951, 1954, 1966, 1967, 1971, 1977, 1983, 1985, 1988, 1995, 1997, 1998, 2002, 2004, 2006, 2016, 2018 годах. По данным В.Я.Паровщикова (1959), в 1931, 1938 и 1950 годах отмечены залёты европейских кедровок *N. c. caryocatactes*, а в 1951 и 1954 – залёты сибирских кедровок, встречавшихся в сентябре-октябре под Архангельском, на реках Пинеге и Онеге.

Многолетние наблюдения за птицами, проводимые с 1977 года в Пинежском заповеднике в Архангельской области, позволили отметить

залёты одиночных кедровок в сентябре – начале октября в 1981, 1984, 1988 и 1998 годах «на опушках ельников» (Рыкова 2003). В другой работе (Рыкова 2013) эти же залёты отмечены «на опушках смешанных лесов».

Рис. 1. Кедровка *Nucifraga caryocatactes* в сосняке-беломошнике. Виноградовский район Архангельской области. 22 октября 2016. Фото Е.А.Ивановой.

Рис. 2. Кедровка *Nucifraga caryocatactes* в окрестностях стпнции Малошуйка. Онежский район. Архангельская область. 25 сентября 2018. Фото И.А.Акимовой.

В начале 1950-х годов в Архангельский областной краеведческий музей поступили три тушки кедровок, две из которых были добыты в Слободском заказнике в районе озера Слободское, примерно в 40 км

южнее Архангельска и изготовлены сотрудником Северного отделения ВНИИОЗ В.Я.Паровщиковым в октябре 1954 года. Автор третьей тушки, поступившей в музей в 1950-е годы, неизвестен. Размеры, снятые с тушек кедровок авторами, представлены в таблице.

Размеры кедровок из Архангельского областного краеведческого музея

Параметр	Экземпляры			Среднее
	1	2	3	
Длина тела, мм	310	370	340	340.0
Длина крыла, мм	176	200	187	187.7
Длина хвоста, мм	106	121	110	112.3
Длина цевки, мм	41	37	37	38.3
Длина клюва, мм	38	47	41	42.0

1 – тушка, изготовленная неизвестным автором;
2, 3 – тушки, изготовленные В.Я.Паровщиковым.

В одном из недавних сообщений молодых авторов о кедровке (Спицын и др. 2019) указаны «новые залёты кедровок на север Архангельской области», к сожалению, без каких-либо ссылок на известные и описанные в литературе залёты кедровок в Архангельскую область. Указанные в сообщении места встреч кедровок относятся не к северу области, как звучит в названии статьи, а ближе к её середине.

Литература

- Андреев В.А. 2005. Врановые птицы г. Архангельска и пригородной зоны // *Экология врановых птиц в условиях естественных и антропогенных ландшафтов России*. Казань: 25-28.
- Андреев В.А. 2017. Особенности экологии врановых птиц в урбанизированном ландшафте г. Архангельска // *Экология врановых птиц в естественных и антропогенных ландшафтах Северной Евразии*. Казань: 24-28.
- Вальнёв Ф. 1880. Наблюдения г. Вальнёва над прилётом, отлётом и гнездованием птиц в Архангельском уезде за 1858-1872 гг. // *Природа и охота* 4 (11): 1-19.
- Гебель Г.Ф. 1903. Материалы по орнитологии Лапландии и Соловецких островов // *Тр. С.-Петербур. общ-ва естествоиспыт.* 33, 2: 97-137.
- Емельянова Л.Г., Горяинова И.Н., Мяло Е.Г. 2001. Предложения по организации ООПТ в средней тайге Архангельской области // *Биоразнообразие Европейского Севера*. Петрозаводск: 62-63.
- Корнеева Т.М., Быков А.В., Речан С.П. 1984. *Наземные позвоночные низовьев реки Онеги*. М.: 1-89.
- Паровщиков В.Я. (1941) 2009. Систематический список птиц города Архангельска и его окрестностей // *Рус. орнитол. журн.* 18 (477): 620-630.
- Плешак Т.В. 1997. Необычный налёт сибирских кедровок в Архангельской области // *Экология* 3: 231-232.
- Плешак Т.В. 2000а. Инвазия кедровок *Nucifraga caryocatactes* в Архангельскую область в 1997/1998 годах // *Рус. орнитол. журн.* 9 (93): 21-22.
- Плешак Т.В. 2000б. К орнитофауне Онежского полуострова и Онежского залива // *Рус. орнитол. журн.* 9 (112): 17-20.

- Поляков Г.И. 1929. К познанию орнитофауны Соловецких островов // *Материалы Соловецкого общ-ва краевед.* **20**: 1-56.
- Рустамов А.К. 1954. Семейство вороновые Corvidae // *Птицы Советского Союза.* М., **5**: 13-104.
- Рыкова С.Ю. 1986. Численность и биотопическое распределение птиц в Пинежском заповеднике // *Размещение и численность животных на Европейском Севере.* Сыктывкар: 46-55.
- Рыкова С.Ю. 1999. Численность и распространение врановых в Пинежском заповеднике и на прилегающих территориях // *Экология и распространение врановых птиц России и сопредельных государств.* Ставрополь: 76-79.
- Рыкова С.Ю. 2003. Орнитологические находки в Пинежском заповеднике (Архангельская область) // *Орнитология* **30**: 38-43.
- Рыкова С.Ю. 2013. *Птицы Беломорско-Кулойского плато.* Архангельск: 1-189.
- Сазонов С.В. 2011. *Птицы тайги Беломоро-Онежского водораздела.* Петрозаводск: 1-502.
- Спицын В.М., Карманова Е.А., Вихрева Д.В. 2019. Новые залёты кедровок *Nucifraga caryocatactes* на север Архангельской области // *Рус. орнитол. журн.* **28** (1742): 1133-1134.
- Черенков А.Е., Семашко В.Ю., Тертицкий Г.М. 2014. *Птицы Соловецких островов и Онежского залива Белого моря.* Архангельск: 1-384.
- Чёрный А.П. 1905. Коллекция птиц Архангельского городского публичного музея // *Каталог Архангельского городского публичного музея.* Архангельск: 63-81.

ISSN 1026-5627

Русский орнитологический журнал 2019, Том 28, Экспресс-выпуск 1842: 5091-5094

Просянка *Miliaria calandra* на севере ареала в Чувашии и Республике Марий Эл

А.А.Ластухин

Альберт Аркадьевич Ластухин. Национальная академия наук и искусств Чувашской Республики. Проспект Ленина, д. 15, Чебоксары, Чувашская Республика, 428000, Россия E-mail: Alast@mail.ru

Поступила в редакцию 10 октября 2019

Основные места обитания просянки *Miliaria calandra* расположены в западной и центральной Европе, Крыму, Кавказе, а также в Средней Азии (подвид *M. s. buturlini* (Н.Е. Johansen, 1907) (Степанян 1990)). В последние 10-15 лет на территории Русской равнины в бассейне Волги северная граница у этого вида находится в стадии продвижения к северу. Проникновение на север Среднего Поволжья стало заметным с весны 2007 года.

В Чувашской Республике первая регистрация просянки относится к 22-23 мая 2007, когда двух поющих самцов отметили на проводах в лугах у села Акрамово Моргаушского района (Ластухин 2007, 2008) (рис. 1). Позднее наблюдали и записывали поющих самцов просянки

22 мая 2013 в окрестностях села Абашево, 9 июня 2013 в долине реки Суры у деревни Сурский Майдан. Также наблюдали одиночных просянок другие исследователи 24 мая 2007 в Вурнарском районе, 7 июня 2010 в Козловском районе и 3 апреля 2013 в Ибресинском районе (Яковлев и др. 2018). До этого просянка в Чувашии никогда не отмечалась ни одним исследователем (Воронов и др. 2007).

Рис. 1. Просянка *Miliaria calandra* и типичный биотоп этого вида на лугах у села Акрамово. Моргаушский район Чувашской Республики. 22 мая 2007. фото А.А.Ластухина.

В Республике Марий Эл первые две птицы этого вида отмечены 22 мая 2012 А.М.Исаковым на проводах в лугах у села Актаюж (Килемарский район, 56°40'37" с.ш., 47°00'02" в.д.) (Исаков, Ластухин 2012). Позднее мы отмечали и записывали песни просянок 17 мая 2018 примерно там же (56°43'07" с.ш., 46°55'33" в.д.). В списках птиц Республики Марий Эл этот вид до настоящего сообщения не упоминался (Иванов 1983; Копылов и др. 2002; Богданов, Богданов 2019).

В связи с довольно быстрым проникновением просянки между западным и восточным макролокалитетами актуален и вопрос о трендах такого спрединга. Для выяснения ситуации мы применили метод анализа сонограмм 29 весенних песен самцов из 10 разных локалитетов (рис. 2). Судя по небольшим различиям в диалектах, проявляющихся слабым, но заметным повышением тональности к концу песни, поволжские просянки «пришли» с западной части ареала вида. Аналогично распространилась на север Среднего Поволжья и далее на Урал и горихвостка-чернушка подвида *Phoenicurus ochruros gibraltariensis* (J.F.Gmelin, 1789) (Ластухин и др. 2016). При этом диалект просянки с Гирканского рефугиума отличается от номинативного и азиатского типом запевки (рис. 2-6).

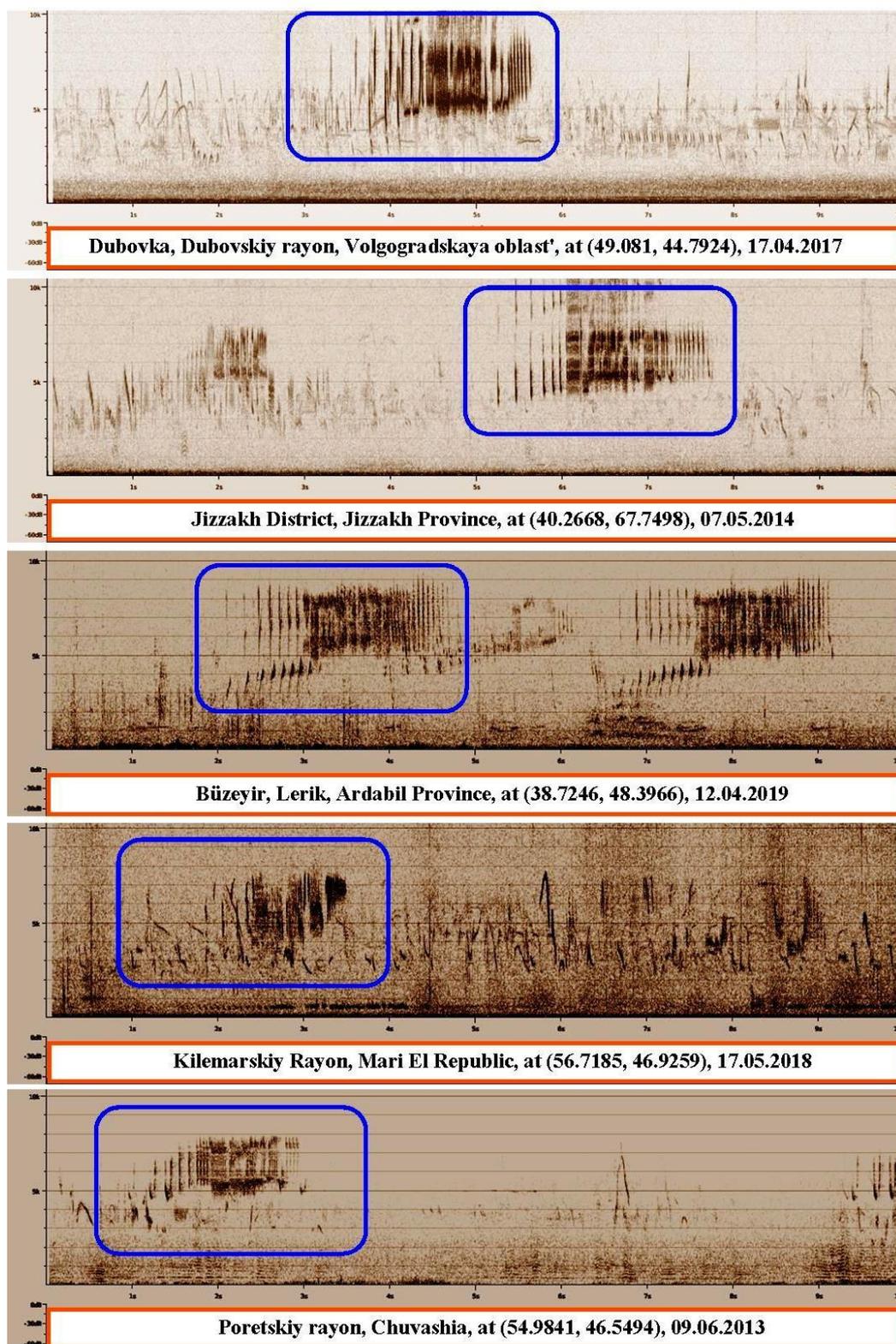

Рис. 3. Сонограммы песен просянок *Miliaria calandra* в восточной части ареала. Записи А.А.Ластухина.

Вполне вероятно, такого типа процессы связаны с потеплением климата, т.к. в это же время в Чувашию проникли не обитавшие здесь ранее такие насекомые и пауки – «индикаторы» южных термофильных степей, как обыкновенный богомол *Mantis religiosa* и паук-оса *Argiope bruennichi* (Борисова 2012; Егоров 2014).

Литература

- Борисова Н.В. 2012. Паук-оса *Argiope bruennichi* (Scopoli, 1763) в Чувашской Республике // *Современные зоологические исследования в России и сопредельных странах: материалы 2-й междунар. науч.-практ. конф. памяти д.б.н. профессора М.А.Козлова*. Чебоксары: 28-30.
- Воронов Л.Н., Ластухин А.А., Димитриев А.В. 2007. Материалы по истории орнитологических исследований в Чувашской Республике // *Экологический вестник Чувашской Республики* **57**: 25-29.
- Егоров Л.В. 2014. О распространении *Mantis religiosa* (Linnaeus, 1758) (Insecta, Mantodea, Mantidae) на севере Среднего Поволжья // *Зоологические исследования регионов России и сопредельных территорий: материалы 3-й междунар. науч. конф.* Нижний Новгород: 77-78.
- Иванов Н.В. 1983. *Очерки о животных Марийской АССР*. Йошкар-Ола: 1-148.
- Исаков А.М., Ластухин А.А. 2013. Мониторинг весенней орнитофауны низовий рек Большой Кундыш и Большая Кокшага Республики Марий-Эл в 2009, 2010 и 2012 годах // *Тр. программы «Птицы Москвы и Подмосковья»* **9**: 47-56.
- Копылов П.В., Балдаев Х.Ф., Мартыненко В.В. 2002. Аннотированный список птиц Республики Марий Эл // *Орнитол. вестн. Поволжья* **1**: 3-10.
- Ластухин А.А. 2007. Знойные песни при галстукке (просянка и черноголовый чекан в Чувашии) // *Советская Чувашия* № 103-104, 31 мая 2007.
- Ластухин А.А. 2008. Новые и редкие орнитологические наблюдения для фауны Чувашии // *Тр. заповедника «Присурский»* **19**: 78-82.
- Ластухин А.А., Омельченко П.Н., Синичкин Е.А. 2016. Вторая регистрация горихвостки-чернушки *Phoenicurus ochruros gibraltariensis* на западной границе Южно-Уральского заповедника // *Рус. орнитол. журн.* **25** (1302): 2313-2315.
- Степанян Л.С. 1990. *Конспект орнитологической фауны СССР*. М.: 1-728.
- Яковлев В.А., Яковлев А.А., Осмелкин Е.В., Исаков Г.Н., Глушенков О.В. 2018. *Птицы Чувашской Республики*. Чебоксары, 3: 1-407.
- Богданов Г.А., Богданов Е.Г. 2019. Список птиц Республики Марий Эл // https://vk.com/topic-164690683_40302050

ISSN 1026-5627

Русский орнитологический журнал 2019, Том 28, Экспресс-выпуск 1842: 5094-5098

Новые данные о расселении лебедя-шипуна *Cygnus olor* в Семипалатинском Прииртышье

А.С.Фельдман, Н.Н.Березовиков

Александр Сергеевич Фельдман. КГУ средняя общеобразовательная школа № 28,
ул. Б.Момышулы, д. 57, г. Семей, Восточно-Казахстанская область, 071400, Казахстан.
E-mail: parafe@mail.ru

Николай Николаевич Березовиков. Институт зоологии, Министерство образования и науки.
Проспект Аль-Фараби, 93, Алматы, 050060, Казахстан. E-mail: berezovikov_n@mail

Поступила в редакцию 9 октября 2019

Второе десятилетие XXI века ознаменовалось расширением ареала лебедя-шипуна *Cygnus olor* вверх по Иртышу из Павлодарской в Восточно-Казахстанскую область. Первые случаи гнездования одной пары

шипуну были зафиксированы в 2013 и 2014 годах на озере Коконь (49°57'25" с.ш., 79°32'45 "в.д.) в Семипалатинском Прииртышье (Березовиков, Фельдман 2015). На других озёрах степного левобережья Иртыша также неоднократно наблюдались небольшие группы не размножающихся лебедей, проводящих на этих озёрах весну и лето. Как и предполагалось, последовали редкие залёты шипунов на озеро Зайсан и Бухтарминское водохранилище (Березовиков 2015, 2017).

Рис. 1. Озеро Коконь – основное место гнездования лебедя-шипуну *Cygnus olor* в Семипалатинском Прииртышье. 12 июля 2018. Фото Т.Г.Фельдман.

Рис. 2. Пара лебедей шипунов *Cygnus olor*, занявшая гнездовой участок на озере Коконь. 10 апреля 2019. Фото А.С.Фельдмана.

Последующий мониторинг степных озёр в течение 5 последних лет показал, что численность шипунов увеличилась до 5 пар. Основным местом их регулярного гнездования остаётся озеро Коконь, расположенное между горами Семейтау и Кокентау (рис. 1). В 2016 и 2017 годах здесь продолжала успешно гнездиться одна пара лебедей, а 13 мая 2018 обнаружено уже 2 пары. При посещении этого озера 10 апреля

2019 отмечена одна пара шипунов, уже занявшая гнездовой участок на одном из плёсов (рис. 2). Во время осмотра 21 сентября 2019 на Коконе держалось 2 выводка из 4 и 5 птенцов (рис. 3), а 6 октября осталась одна взрослая птица с одним ещё нелетающим молодым.

Рис. 3. Выводки лебедя-шипунa *Cygnus olor* из 4 и 5 птенцов на озере Коконь. 21 сентября 2019. Фото А.С.Фельдмана.

Вторым пунктом гнездования лебедей-шипунa является озеро Кереванколь (50°10' с.ш., 80°44' в.д.), где, по наблюдениям С.А.Брыгинского, в 2017-2019 годах размножалась по одной паре. При посещении озера 25 августа 2019 на нём держалась семья из 2 взрослых и 5 молодых лебедей. По его же информации, 2 октября 2019 на Иртыше у села Гранитное видели пролетающую семью лебедей.

Третье место гнездования лебедей-шипунa установлено на правом берегу Иртыша на озере Алимбай (50°22'41" с.ш., 80°26'46" в.д.), в 2 км западнее села Озёрки и в 10 км восточнее города Семей (Семипалатинск). Это искусственный водоём с бордюрными зарослями тростника, рогоза и вейника, расположенный среди сельскохозяйственных угодий в 5 км от Иртыша и используемый для разведения рыбы. В его средней части имеется три небольших островка, на которых, по свиде-

тельстве егеря С.Жакупбекова, в 2017 и 2018 годах гнезилось по одной паре, а в 2019 году – две пары шипунов. При осмотре озера 7 октября 2019 оба выводка из 4 и 5 ещё не летающих молодых продолжали держаться на озере (рис. 5).

Рис. 5. Выводки лебедя-шипунa *Cygnus olor* из 4 и 5 птенцов на озере Алимбай. 7 октября 2019. Фото А.С.Фельдмана.

Таким образом, расселение лебедя-шипунa в Семипалатинском Прииртышье продолжается, хотя и медленными темпами. Благожелательное отношение местного населения к этим птицам, отсутствие случаев стрельбы по ним со стороны охотников и толерантное отношение самих лебедей к людям являются одними из существенных факторов, способствующих дальнейшему заселению ими водоёмов в степных и сельскохозяйственных угодьях и созданию устойчивой гнездовой популяции шипунa на востоке Казахстана.

Выражаем искреннюю признательность Татьяне Григорьевне Фельдман за участие в поездках и фотосъёмках, а также Сериккану Жакупбекову и Сергею Александровичу Брыгинскому за предоставленную информацию о лебедях.

Литература

- Березовиков Н.Н. 2015. Залёт лебедя-шипуна *Cygnus olor* на озеро Зайсан // *Рус. орнитол. журн.* **24** (1115): 821-822.
- Березовиков Н.Н. 2017. Залёт лебедя-шипуна *Cygnus olor* на Бухтарминское водохранилище // *Рус. орнитол. журн.* **26** (1489): 3521-3523.
- Березовиков Н.Н., Фельдман А.С. 2015. Лебедь-шипун *Cygnus olor* – новый гнездящийся вид Семипалатинского Прииртышья // *Рус. орнитол. журн.* **24** (1102): 384-389.

ISSN 1026-5627

Русский орнитологический журнал 2019, Том 28, Экспресс-выпуск 1842: 5098-5106

Динамика обилия гнездовых популяций дневных хищных птиц и сов в малолесных районах Южного Приморья на протяжении 16 лет наблюдений (1998-2013)

Е.А. Волковская-Курдюкова, А.Б. Курдюков

*Второе издание. Первая публикация в 2013**

В пределах открытых ландшафтов общее направление развития природной среды определяется воздействием целого ряда мощных экзогенных факторов (паводков, пожаров, климатических флуктуаций, выпаса травоядных животных и др.), порождающих её постоянные или периодические глубокие трансформации. Дневные хищные птицы и совы, населяющие ландшафты открытого типа, изначально хорошо адаптированы к этим изменениям, реагируя на меняющиеся кормовые условия разных лет широкими пространственными перераспределениями своих популяций либо пропуском неблагоприятного гнездового сезона менее опытными особями, существенные вариации показателей обилия этих птиц на местах гнездования являются нормой. Аграрное производство по мере развития прочно вошло в число основных средообразующих факторов малолесных местностей. Множество форм его воздействия на природную среду оказывает порой диаметрально противоположный эффект на популяции дневных хищных птиц и сов. Так, мозаичная дигрессия травостоя (в результате пожаров или скотосбоя) создаёт привлекательные условия для их кормёжек, особенно вблизи

* Волковская-Курдюкова Е.А., Курдюков А.Б. 2013. Динамика обилия гнездовых популяций дневных хищных птиц и сов в малолесных районах Южного Приморья на протяжении последних 16 лет наблюдений // 10-я Дальневосточная конференция по заповедному делу: Материалы конференции. Благовещенск: 77-81.

населённых пунктов. С другой стороны, пригодность в качестве кормовых угодий обширных площадей возделываемых земель быстро снижается с увеличением интенсивности землепользования, а массовое применение пестицидов, как это имело место в прошлом и продолжается в настоящее время, способно быстро подорвать демографический баланс в популяциях птиц этих групп. В отличие от периодических межгодовых флуктуаций, обусловленных природными процессами, аграрное производство обычно меняется более последовательно, с периодичностью, значительно превышающей продолжительность жизни многих хищных птиц и сов, и при негативном воздействии оставляет слишком мало шансов для восстановления их популяций. Высокая зависимость от сельскохозяйственных ландшафтов на протяжении всего годового цикла (гнездования, миграций, зимовок) делает этих птиц более уязвимыми по сравнению с лесными видами Falconiformes и Strigiformes.

Динамика сельскохозяйственного производства на территории Приморского края представляется как сложная картина его взлётов и падений. Социально-экономический кризис в России с начала 1990-х годов сопровождался значительным ослаблением хозяйственной нагрузки на сельхозугодья. За период с 1990 по 2008 год доля неиспользуемой пашни выросла с 3,8 до 60%. Сильно упало за годы реформ поголовье крупного рогатого скота – на 86%. Соответственно, из использования выбыло 58% площади сенокосов и пастбищ, а хозяйственная нагрузка на остальные заметно снизилась. В результате участки с естественной луговой растительностью, такие как различные залежные группировки, стали доминировать в структуре агроландшафта, а густота и высота травостоя в целом заметно выросла, что не замедлило сказаться на популяциях дневных хищных птиц и сов.

С возрождением системы контроля за использованием земель с 2007 года ситуация стала меняться. Увеличение доли пашни в последующем происходило за счёт наращивания посадок риса и сои, как наиболее экономически выгодных культур. В последние 5 лет структура рисового земледелия в крае существенно изменилась. Развитие этой отрасли главным образом стало строиться на краткосрочной (менее чем на год) аренде земель гражданами КНР, которым нелегальная рабочая сила и дешёвые кредиты в КНР дают неоспоримое преимущество перед отечественными производителями. Ориентированные на максимально быстрое получение прибыли, китайские арендаторы применяют упрощённые, не требующие дополнительных затрат технологии возделывания (они касаются предпосевной подготовки чеков, осуществления полива, способов внесения и дозировки сельскохозяйственной химии), не заботясь о неизбежных проблемах при их длительном использовании. Так как почти не сохранилось семенного фонда

приморских сортов риса, весь посевной материал устойчивых к высоким дозам гербицидов и удобрений сортов этой культуры завозится из Китая. Особую тревогу вызывает нелегальный ввоз и массовое применение запрещённых пестицидов, крупные схроны которых регулярно находят повсеместно у полей, где работают граждане КНР. Острое негативное воздействие ряда органохлоридных пестицидов на воспроизводство и выживаемость птиц, особенно орнито- и ихтиофагов, послужило главным мотивом для запрета на их использование во многих странах мира, включая Россию (Newton 1998).

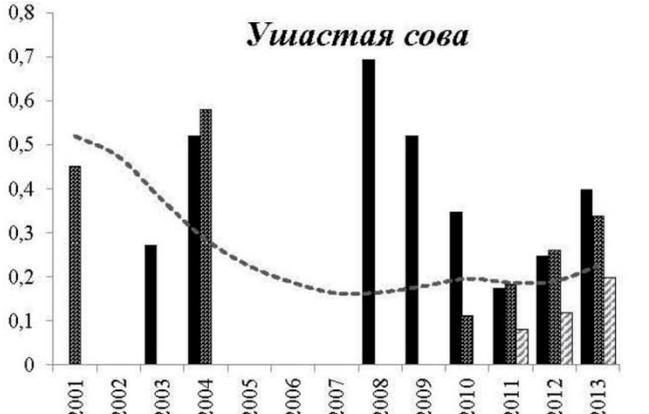
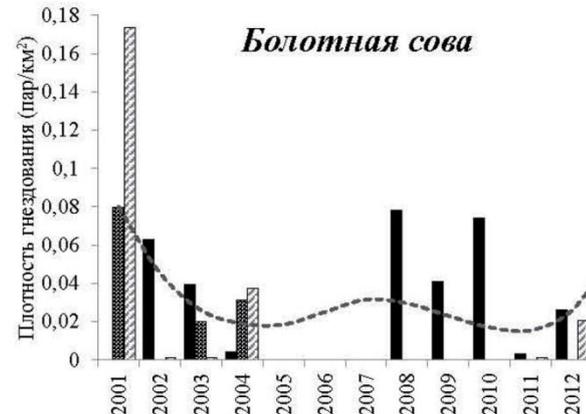
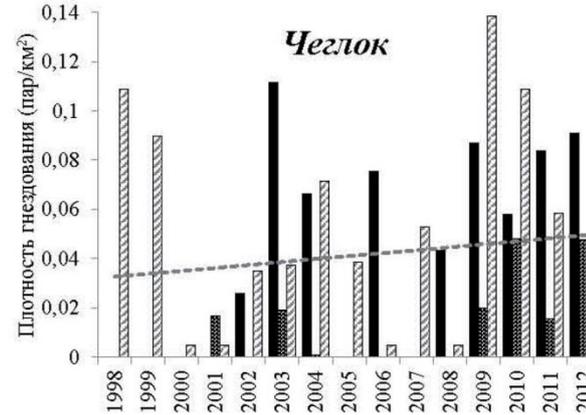
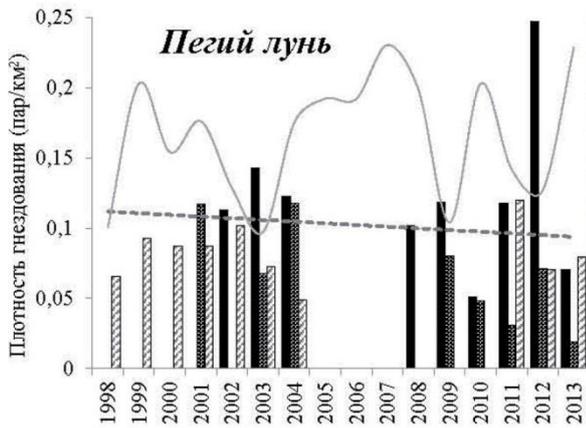
Другая причина быстрых изменений структуры агроландшафта в последние годы связана с повсеместным наращиванием площадей, занятых под сою. Это вызвано как небывалым скачком мировых цен на эту культуру, так и целевыми программами, строительством новых мощностей по глубокой переработке сои. Охваченные «соевой лихорадкой», фермеры распаивают большие площади залежных земель, а в ряде случаев под плуг пускаются отличные залужённые сенокосы, служащие ключевым местом гнездования в агроландшафте видов птиц, более всего чувствительных к высокой интенсивности земледелия. В ряде случаев это ведёт к простой порче сельхозугодий там, где земля под пластом разрушенной дернины непригодна к обработке из-за её подверженности к замоканию. Неблагоприятные особенности культуры сои для целого ряда видов птиц связаны с поздними сроками возделывания, известны случаи, когда сев сои затягивался до середины июля. Кроме того, обширные соевые поля, если они лишены сорняков, в сезон размножения почти не имеют какого-либо населения позвоночных животных, как это имеет место на свежих посадках и посевах ГМО сои, их вид не внушает никакого оптимизма, даже в форме этюдов (Назаренко и др. 2006).

Сбор основной части материалов проводился нами в 1998-2013 годах, часть данных для дневных хищных птиц и сов опубликована ранее (Волковская-Курдюкова 2009; Волковская-Курдюкова, Курдюков 2008а, 2010), в данной публикации проводится их сопоставление с материалами последних пяти лет наблюдений. Рассматривается большая группа соколо- и совообразных птиц, которых объединяет тесная связь с малолесными ландшафтами, насчитывающая 8 видов. Исследования проводились на севере, востоке, юге Приханкайской низменности, на Ханкайско-Раздольненском водораздельном плато, в долине реки Раздольная, северо-восточной части Борисовского плато, на приморской равнине Амурского залива. Наиболее длинные ряды наблюдений имеются для юга (8 лет) и востока Приханкайской низменности (11 лет) и Ханкайско-Раздольненского водораздельного плато (16 лет). Расчёт показателей обилия производился по материалам обследования территории на многочисленных пеших маршрутах, равномерно покрывающих её в различных направлениях. Выявленные гнездовые пары и жилые гнёзда наносились на план местности, специальное внимание уделялось одновременным регистрациям соседних пар. Число пар соотносилось с обследованной площадью. Для чёрного коршуна, обыкновенного перепелятника и ушастой совы наряду с площадью

лесных фрагментов в расчёт принималась также площадь прилежащих лугов – мест их регулярной охоты. В разные годы исследованиями охватывалась площадь от 22 до 443 км², в среднем 206 км².

Пегий лушь *Circus melanoleucos*. Если первоначально пирогенное преобразование ландшафтов и привело к расширению мест, пригодных для гнездования этого вида, дальнейший рост интенсивности земледелия с пиком в середине 1980-х годов сопровождался повсеместным значительным сокращением его численности, главным образом из-за осушения и превращения в пашню многих массивов вейниковых и разнотравных лугов. Кризис сельскохозяйственного производства с начала 1990-х годов сопровождался экспансией площадей малоиспользуемых агроугодий, которые спустя 12-15 лет демулационных смен растительности превратились в оптимальные гнездовые станции вида, представленные в избытке. Здесь сформировались плотные групповые поселения пегого луна с обилием 19.8-28.4 пар/100 км². В последующие годы гнездовая популяция пегого луна в Южном Приморье оставалась довольно стабильной, за 16 лет мониторинга мы не отметили заметных трендов её изменения (см. рисунок). Однако в разных пунктах наблюдений имелись свои особенности: если на востоке Приханкайской низменности и на Ханкайско-Раздольненском плато обилие вида сохранялось на одном уровне или отмечена слабая тенденция к его росту, то на юге Приханкайской низменности за последние годы оно снизилось на 50%. Для пегого луна характерно крайне неравномерное территориальное распределение, даже в пределах его оптимальных гнездовых станций. Пространственные вариации обилия в отдельно взятый гнездовой сезон на участках, разделённых 20-30 км (*CV* 48-142%, в среднем 80.2%), заметно превышали межгодовые вариации в пределах одной территории (*CV* 24-75%, в среднем 48.7%). Реакция на динамику увлажнения разных лет не одинакова в разных районах: в местностях с преобладанием переувлажнённых территорий, как на востоке Приханкайской низменности, характерно негативное отношение к росту увлажнения ($R = -0.59$; $P = 0.094$), в местах с обилием суходольных лугов такая зависимость отсутствует. Столь же неоднозначно влияние травяных пожаров: хотя массивы высокой травы и необходимы для гнездования, нами отмечено существенное повышение эффективности охоты этого вида на участках пожарищ, где пониженная высота травостоя заметно увеличивает доступность видов-жертв. Нарастание интенсивности земледелия в последние пять лет пока не привело к каким-либо последствиям для популяции пегого луна. Вероятно, имеет место запаздывание реакции вида на изменения в среде обитания, как это показано для грача *Corvus frugilegus* (Волковская-Курдюкова 2012).

Восточный болотный лушь *Circus spilonotus*. В пределах Приханкайской низменности расположена одна из самых крупных и ста-

■ Восточная часть Приханкайской низменности; ▨ Южная часть Приханкайской низменности;
 ▨ Ханкайско-Раздольненское водораздельное плато; - - - Общая тенденция динамики численности
 — Количество осадков (мм) в предгнездовой период

Многолетняя динамика обилия (пар/км²) гнездовых популяций хищных птиц и сов в ряде малолесных районов Южного Приморья.

бильных гнездовых группировок этого вида на Дальнем Востоке. Наблюдения в оптимальных гнездовых станциях на южном и восточном побережьях озера Ханка (рисунок) демонстрируют значительные межгодовые флуктуации обилия восточного болотного луня, почти в два раза более высокие, чем у пегим луня (CV 78-81%, в среднем 79.7%). В сравнении с пегим лунём, для восточного болотного луня характерна более выраженная синхронность колебаний численности на разных участках озерно-болотного комплекса Приханкайской низменности, что должно отображать более значительные вариации общего числа размножающихся пар в Южном Приморье. В динамике обилия этого вида не обнаружено определённой связи с колебаниями уровня воды в озере Ханка, так же как с количеством атмосферных осадков в разные годы. В то же время обильное осадконакопление в пределах агроландшафта, которое сопровождается разливами и заполнением водой низменных участков (последнее может растягиваться на несколько лет), приводит к появлению на гнездовании отдельных пар и гнездовых группировок восточного болотного луня (до 5 пар) в местах, где в другие годы он совершенно отсутствует. Такие массовые «выселения», помимо того, что одновременно охватывают географически обширную территорию, часто происходят на фоне высокого обилия в основных местообитаниях вида, как это имело место в 2001-2003 и 2010-2011 годах.

Обыкновенная пустельга *Falco tinnunculus*. Подобно ряду других видов птиц-агрофилов (Волковская- Курдюкова, Курдюков 2008б), обыкновенная пустельга положительно реагирует на антропогенное освоение территории. Отчасти это вызвано потребностью в гнездовых постройках врановых птиц, занимаемых этим видом, многочисленных как раз в наиболее освоенных районах, но главная причина кроется в увеличении доступности видов-жертв в результате антропогенной дигрессии травостоя. Согласно эволюционному принципу «кому жизнь, кому обед» (Life-Dinner Principle) (Dawkins, Krebs 1979) именно доступность, а не обилие жертв часто служит основным мотивом при выборе охотничьих станций плотоядными животными. Результаты многолетних наблюдений за динамикой численности этого вида демонстрируют общую тенденцию сокращения его обилия в последние два десятилетия. Это наблюдается на востоке Приханкайской низменности, Усури-Сунгачинском междуречье, Ханкайско-Раздольненском плато, пригороде Владивостока и чётко проявляется даже на фоне его значительных межгодовых флуктуаций, в то же время на юге Приханкайской низменности обилие вида сохраняется на одном, сравнительно невысоком уровне. Наиболее вероятная причина – это увеличение высоты и густоты травостоя (в среднем по агроландшафту) в результате восстановительной сукцессии растительности на залежах и пастбищах. Отсутствие реакции на современное наращивание интенсивности земледе-

лия, одновременно охватившие обширные территории, мы связываем с эффектом запаздыванием популяционного ответа у этого вида.

Амурский кобчик *Falco amurensis*. Лесостепной по происхождению вид, основная популяция которого сконцентрирована в бассейне озера Ханка и широких долин Уссури и Амура. В современный период на Приханкайской низменности, также как в 1850-1920-е годы, амурский кобчик не представляет редкости, тогда как в пик сельскохозяйственного производства здесь в 1970-1980-е годы его численность была очень низкой. Сходная картина отмечена в окрестностях Уссурийска: в последние годы (2012-2013) амурский кобчик вновь обнаружен нами здесь на гнездовании, так же как в 1910-1920-х годах, в то время как в 1970-2000-е годы его размножение не наблюдалось вовсе. Популяция этого вида в Южном Приморье довольно неустойчива ($CV\ 67-77\%$), нередко происходят значительные спонтанные флуктуации численности, при этом его обилие в последовательные годы может изменяться в 2-5 раз. Помимо этого характерна слабая пространственная синхронизация динамики численности, когда общие тренды её изменения в разных пунктах могут совершенно не совпадать. Так, на Ханкайско-Раздольненском водораздельном плато на протяжении 1998-2013 годов наблюдалась чёткая картина общего снижения обилия амурского кобчика (на 70%), тогда как на востоке Приханкайской низменности в 2002-2013 годы его популяция оставалась стабильной. Всё это проявляется на фоне крайне неравномерного размещения, даже в пределах основной гнездовой части ареала вида в Приморском крае, когда большие гнездопригодные территории остаются вакантными.

Чеглок *Falco subbuteo*. Широко распространённый в Приморском крае чеглок, населяющий открытые участки речных долин даже в центральных частях горной страны Сихотэ-Алиня, подобно амурскому кобчику, наибольшего обилия достигает в лесостепных районах края. Он был довольно обычен в лесостепных районах края, к югу до Уссурийска, в 1850-1920-е годы, однако в пик сельскохозяйственного производства здесь в 1970-1990-е годы рассматривался лишь как случайно гнездящийся вид, что определённо указывает на его общую редкость в тот период. С резким спадом аграрного производства в 1990-е годы его обилие заметно выросло, и сейчас, как и в начале XX века, в малолесных районах Южного Приморья это один из наиболее обычных видов мелких соколов. Межгодовая изменчивость численности этого вида довольно значительна ($CV\ 36-127\%$, в среднем 83.8%). По наблюдениям в разных пунктах, на протяжении 1998-2013 годов на востоке Приханкайской низменности наблюдался слабый рост обилия чеглока, более выраженный в её южной части, на Ханкайско-Раздольненском водораздельном плато – оно сохранялось примерно на одном уровне. Являясь преимущественно орнитофагом, чеглок особенно уязвим к исполь-

зованию в сельском хозяйстве органохлоридных пестицидов, с расширением их использования в Южном Приморье можно ожидать нового краха численности этого вида в наиболее освоенных районах края.

Чёрный коршун *Milvus migrans*. На протяжении всего XX столетия наблюдалось устойчивое сокращение численности этого вида в лесных и малолесных районах Приморского края. Причины этого специально не исследовались и остаются неизвестными, могла сыграть роль склонность к собирательству у этого пернатого хищника, охотно включающего в свой рацион погибших животных и снулую рыбу, часть из которых могла быть отравлена. Несомненно, имеет значение и низкая продуктивность местной популяции, пара чёрных коршунов редко воспитывает более 2 птенцов за сезон. На протяжении 2002-2013 годов на Приханкайской низменности наблюдалось заметное снижение обилия чёрного коршуна (на 55.4%) (рисунок). Более обычным этот вид остаётся на отдельных участках в южной её части, где обилие чёрного коршуна достигало 6 пар на площади в 54 км². Южнее Приханкайской низменности, на Ханкайско-Раздольненском водораздельном плато, в настоящее время коршун летом встречается лишь эпизодически и, по-видимому, не гнездится.

Болотная *Asio flammeus* и ушастая *Asio otus* совы. Численность обоих этих видов, специализирующихся на питании мышевидными грызунами, подвержена значительным межгодовым флуктуациям. Особенно ярко они проявляются у населяющей открытые луговые территории болотной совы (CV 70-148%, в среднем 128.8%) и гораздо менее – у гнездящейся по участкам с древесно-кустарниковой растительностью ушастой совы (CV 47-70%, в среднем 57.7%). Помимо этого, у болотной совы заметно лучше выражена синхронизация подъёмов и спадов обилия на гнездовании в пределах разных, достаточно удалённых друг от друга территорий Южного Приморья. Взаимная корреляция обилия обоих видов сов довольно слаба. На фоне широких межгодовых флуктуаций численности ушастой и болотной сов многолетние тенденции её изменения совершенно не заметны.

В условиях малолесных районов Южного Приморья современное состояние гнездовых популяций дневных хищных птиц и сов определяется последствиями резкого снижения интенсивности сельского хозяйства и широкого распространения многолетних залежей в 1990-2000-х годах. Это проявилось в восстановлении популяций чеглока, амурского кобчика, пегого луны, сильно подорванных за годы интенсивного земледелия в 1970-1980-е годы, в снижении обилия обыкновенной пустельги, негативно реагирующей на рост высоты и густоты травостоя при восстановительной сукцессии растительности. Значительные пульсации численности восточного болотного луны и болотной совы, очевидно, связаны с широким географическим перераспреде-

нием их популяций в пределах ареалов, планомерное сокращение численности чёрного коршуна – неизвестными причинами, влияющими на снижение продуктивности и выживаемости у этого вида. Нарастание аграрного производства в последние пять лет пока не привело к заметным изменениям численности популяций дневных хищных птиц и сов, что является следствием определённой «инертности» демографических процессов в популяциях крупных долгоживущих видов птиц, когда реакция на происходящие изменения в среде обитания проявляется с определённым запозданием (на 5-10 лет). В ближайшие годы при дальнейшем нарастании сельскохозяйственной нагрузки можно ожидать нового снижения численности популяций пегого луны, амурского кобчика, чеглока, болотной совы, чёрного коршуна и других видов, как это имело место в недавнем прошлом. В этих условиях необходимо рациональное планирование землепользования для оптимального соотношения задач нерасточительного аграрного производства и поддержания существующего биологического разнообразия в малолесных районах Приморского края.

Литература

- Волковская-Курдюкова Е.А. 2009. Оценка современного состояния популяций соколообразных на территории заповедника «Ханкайский» и прилежащих участках Приханкайской низменности // *Современные проблемы орнитологии Сибири и Центральной Азии*. Улан-Удэ: 312-316.
- Волковская-Курдюкова Е.А., Курдюков А.Б. 2008а. Современное состояние популяций дневных хищных птиц в открытых ландшафтах Южного Приморья // *Орнитология* **35**: 74-82.
- Волковская-Курдюкова Е.А., Курдюков А.Б. 2008б. Итоги изучения орнитокомплексов малоиспользуемых сельскохозяйственных земель Южного Приморья // *Вестн. Оренбург. ун-та* **6** (88): 129-137.
- Волковская-Курдюкова Е.А., Курдюков А.Б. 2010. Материалы по экологии и населению сов Приханкайской низменности // *Рус. орнитол. журн.* **19** (595): 1591-1612.
- Назаренко А.А., Курдюков А.Б., Сурмач С.Г. 2006. Региональное биоразнообразие птиц Уссурийского края и хозяйственная деятельность человека: этюды оптимизма // *Научные основы сохранения биоразнообразия Дальнего Востока*. Владивосток: 254-271.
- Dawkins R., Krebs J.R. 1979. Arm races between and within species // *Proc. R. Soc. London* (Ser. B) **205**: 489-511.
- Newton I. 1998. *Population Limitation in Birds*. London: 1-597.

К вопросу об изменчивости окраски уссурийской совки *Otus sunia*

Е.А.Коблик, А.А.Мосалов, Я.А.Редькин

Второе издание. Первая публикация в 2003*

Широко известно, что окраска популяций животных, обитающих в условиях сравнительно мягкого и влажного климата, порой хорошо отличается от таковой у внутриконтинентальных популяций того же вида. Изменчивость окраски (как рисунка, так и расцветки) некоторых широко распространённых видов сов хорошо иллюстрирует эту закономерность. Примерами могут служить географические вариации в окраске различных популяций обыкновенного *Bubo bubo* и виргинского *B. virginianus* филинов, длиннохвостой неясыти *Strix uralensis* и др. Хорошо известно и другое проявление внутривидового морфизма окраски у представителей отряда Strigiformes. В одной и той же местности могут встречаться птицы двух (редко трёх) хорошо различимых цветовых фаз, относящиеся к одной популяции. Такой морфизм может быть свойственен не всему виду в целом, а лишь одному или нескольким подвидам. Обычно выделяют серо-бурую морфу и рыжую морфу, иногда – светлую и тёмную морфы. У некоторых видов принимают до трёх морф. Кроме того, очевидно, всегда существует некоторое количество особей «промежуточной» окраски.

Среди совообразных крупных и средних размеров подобный морфизм представляет собой скорее исключение. Он отмечен у пятнистого филина *Bubo africanus*, рогатой *Lophotrix cristata*, глазчатой *Strix (Ciccaba) virgata* и серой *Strix aluco* неясытей, одного из подвигов австралийской сипухи *Tyto novaehollandiae novaehollandiae*. В гораздо большей степени это явление распространено среди мелких сов. Цветовые морфы обнаружены у 4 видов воробьиных сычей *Glaucidium*, а среди самого многочисленного рода сов в мире – совок *Otus*, морфы имеет примерно половина из 60 с лишним видов.

Масштабы проявления подобного морфизма окраски у сов изучены крайне слабо. Исходя из общих представлений о климатических трендах изменений окраски животных, следует ожидать доминирования рыжей морфы в популяциях сов, обитающих в условиях влажного и тёплого, а серой (бурой) – в более сухом или холодном климате. Это хорошо подтверждается частотой встречаемости цветовых фаз у серой неясыти. Среди сов, обитающих в России, лишь в популяциях сплюшки

* Коблик Е.А., Мосалов А.А., Редькин Я.А. 2003. К вопросу об изменчивости окраски уссурийской совки // Материалы 4-й конф. по хищным птицам Северной Евразии. Пенза: 9-12.

Otus scops и уссурийской совки *Otus sunia* наблюдается окрасочный морфизм. Серовато-бурая и рыжевато-бурая фазы окраски сплюшки выражены нерезко, связаны переходами, так что в данном случае правильнее говорить о большом размахе индивидуальной изменчивости. Морфизм уссурийской совки выражен более резко, однако в литературе имеются противоречивые трактовки числа цветовых фаз, отсутствует детальное их описание, не выяснено существование цветовых переходов между морфами. Считается, что и у уссурийской совки существует две морфы – «серая» и «рыжая». «Рыжая» регистрируется крайне редко. Вместе с тем Г.П.Дементьев (1951) выделяет серый или бурый тип окраски и рыжеватый, причём первый может быть как тёмный, так и светлый, а второй – выражен в разных оттенках; «серый» тип окраски заметно преобладает в Приморье. Г.П.Дементьев упоминает, что редко встречаются совки «ярко золотистой ржавчато-рыжей» основной окраски (из 33 изученных им особей из Приморья таковой была только одна). Ю.Б.Пукинский (1993) утверждает, что уссурийская совка имеет «две цветовые морфы: серая и рыжая, очень редко ржавчато-золотистая». Так сколько же на самом деле морф имеет уссурийская совка – две, три или более?

Для выяснения этого вопроса нами было изучено 39 экземпляров взрослых уссурийских совков из собрания Зоологического музея Московского университета, а так же из собственных сборов из разных районов Приморья. Отличительной особенностью окраски оперения уссурийской совки, по сравнению с близкими видами, является более однотонная окраска спинной стороны, без ярко выраженных тёмных продольных пестрин. Она образуется благодаря частому поперечно-струйчатому рисунку оперения верха тела. Нижняя сторона тела окрашена менее однородно, выдержана в серовато-коричневой гамме. При этом многие особи кажутся несколько более охристыми и пёстрыми вследствие большего развития рыжеватых участков перьев, лишённых тёмного струйчатого рисунка. У нескольких птиц общий фон можно назвать рыжевато-бурым – тёмный поперечно-струйчатый рисунок перьев верха тела более разрежен, вследствие чего общий тон окраски выглядит заметно светлее. Видимо, таких птиц и считали «рыжей» морфой Г.П.Дементьев и Ю.Б.Пукинский. Лишь одну из осмотренных нами птиц подвида *O. s. stictonotus* можно назвать по-настоящему рыжей (добыта нами 21 мая 2002 на Синем хребте, 44°22' с.ш. 133°01' в.д., другие 6 особей, добытых в этой же точке, оказались «серой» морфы). Она отличается общим охристо-рыжим фоном окраски оперения. На спинной стороне тела практически полностью отсутствует поперечно-струйчатый рисунок, выражены только тонкие тёмные наствольные пестрины. Возможно, что именно такой тип окраски имел в виду Дементьев, указывая на существование птиц с «ярко золотистой ржавча-

то-рыжей» окраской. Следует отметить, что эта морфа действительно исключительно редко попадает среди континентальных птиц Дальнего Востока (Ю.Н.Глущенко, устн. сообщ.). По рисунку и окраске оперения данная особь ближе всего к имеющемуся в нашем распоряжении экземпляру «рыжей» морфы подвида *O. s. japonicus*, распространённого на Японских островах. Он отличается практически однотонной рыжей верхней стороной тела, причём даже на хвосте и третьестепенных маховых тёмный рисунок выглядит максимально редуцированным.

Уже по имеющейся в нашем распоряжении серии можно проследить континуальность переходов от «серого» типа окраски оперения до ярко рыжего. При этом только одну континентальную и одну островную особь можно отнести к рыжей морфе. Из промежуточных экземпляров лишь 3 (2 континентальных и 1 островной) можно считать рыжевато-бурыми («рыжими», согласно представлениям Г.П.Дементьева и Ю.Б.Пукинского), остальных же следует отнести к «серой» («бурой») морфе. Таким образом, «рыжую» морфу можно отличить от «серой» и переходных форм не только по общему тону оперения, но и по значительной редукции тёмного поперечно-струйчатого рисунка контурного оперения.

Исходя из представлений о климатических трендах изменений окраски животных, подтверждённых географией морфизма других видов сов, следовало бы ожидать, что на северо-западе ареала уссурийской совки будут встречаться наиболее светлые и наиболее «серые» особи. Однако 2 экземпляра из Восточного Забайкалья (Даурия), бесспорно принадлежащие к «серой» морфе, отличаются от всех известных нам экземпляров уссурийских совок наиболее насыщенной тёмной окраской верха тела с обилием охристых отметин. Столь необычная окраска оперения совок из Даурии требует дополнительного изучения и, возможно, при привлечении более представительных коллекционных материалов потребует описания новой географической расы.

Подводя итог можно констатировать, что уссурийская совка имеет две морфы («серую» и «рыжую»), связанные переходами, часть из которых квалифицировалась предыдущими исследователями как самостоятельная «рыжая» морфа. Различия между морфами связаны не столько с изменением общего фона оперения, сколько с различием в распределении и типе рисунка. Хотя большинство переходной и «рыжей» морфы были добыты на юге Приморья и на островах, чёткой географической закономерности в распространении морф выявить не удалось. Дополнительного изучения требуют особенности окраски северо-западных (Даурия) популяций уссурийской совки.

